

И. В. Палагута³

**ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ «ТРАДИЦИОННЫХ» КУЛЬТУР:
ПРОБЛЕМЫ ИХ ДИНАМИКИ И ИЗМЕНЧИВОСТИ**

Человеческая культура — комплексное, системное явление, которое можно рассматривать как средство

³ Профессор кафедры искусствovedения СПбГУП, доктор исторических наук. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Искусство Древней Европы: Эпоха ранних земледельцев (VII–III тыс. до н. э.)», «Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI): The relative chronology and local grouping of sites», «Мир искусства ранних земледельцев Европы. Культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н. э.»; статей ««Биноклевидные» изделия в культуре Триполье–Кукутень: опыт комплексного исследования категории «культовых» предметов», ««Technical decoration» of the Tripolye Ceramics», «Элементы «технического» орнамента и проблемы интерпретации декора ке-

внебиологической адаптации человека к окружающей среде, как природной, так и создаваемой им самим среде социальной⁴. В научных исследованиях культуры в течение последних полутора столетий сложился целый ряд устойчивых представлений и стереотипов. Они превратились в постулаты для развития последующих построений, следование которым даже определило

рамки Триполья–Кукутень», «Мифы и реальность в интерпретации орнаментов древних земледельцев Европы» и др.

⁴ Вишняцкий Л. Б. Введение в преисторию. 2-е изд. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2005. С. 112–113; см. также: Кожин П. М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите — раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 14–15, 26 и сл.

целые исследовательские направления и которые имеют и более широкое распространение — не только в научной среде, но и в массовом сознании. Так, несмотря на продолжающуюся уже многие десятилетия критику специалистов, автору в рамках его исследований в области первобытной духовной культуры пришлось непосредственно столкнуться с постулатом о консерватизме и неизменности традиционных культур, которые могут сохраняться в течение столетий и тысячелетий. Этот стереотип возник в среде эволюционизма XIX столетия, когда культуры «традиционных обществ» воспринимались как некие рудименты, законсервировавшиеся в своем развитии и остающиеся на тех стадиях развития, которые европейцы миновали много тысячелетий назад. Считается, что с такими же обществами имеет дело и первобытная археология.

Ограниченные возможности для технического прогресса первобытных обществ очевидны. Однако и в рамках этих условий объекты материальной культуры, связанные с изобразительным и декоративно-прикладным искусством, которые непосредственно отражают явления духовной культуры, могут претерпевать значительные изменения за относительно короткий промежуток времени, охватывающий несколько поколений. Наблюдения автора над эволюцией орнаментов трипольской культуры, распространенной на территории юга Восточной Европы в IV тыс. до н. э., показывают динамичные изменения системы орнамента, происходящие на фоне изменений в культурной среде¹. Аналогичная смена смысла и форм орнаментальной графики отмечена и в материалах этнографических наблюдений, проводившихся в самых различных регионах мира².

Такие же изменения касаются и предметов пластики, которые отражали базовые религиозные представления ранних земледельцев. Например, особые формы статуэток, сгруппированные в наборы, существуют в той же трипольской культуре только в начальный период ее развития — в течение не более 300 лет, когда ее носители осваивали лесостепную зону к востоку от Карпат. Изображали они отнюдь не «духов плодородия» или ипостаси «Великой Богини», а группу конкретных персонажей, скорее всего — общих предков. Однако с распадом первоначального культурного единства это представление становится неактуальным, и наборы статуэток прекращают изготавливать³. Подобные примеры можно приводить и из области

¹ Palaguta I. Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI): The relative chronology and local grouping of sites / British Archaeological Reports, International Series, 1666. Oxford: Hadrian Books, 2007; см. также: Палагута И. В. Орнаменты Триполья-Кукутени: направления исследований и возможности интерпретации // Российский археологический ежегодник. СПб., 2011. Вып. 1.

² Андреев М. С. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира. Ташкент: Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, 1928; Bunzel L. The Pueblo Potter: A Study of Creative Imagination in Primitive Art. N. Y.: Dover Publications, 1972; Кожин П. М. Плетеные сосуды индейцев Калифорнии // Сб. МАЭ. Культура и быт народов Америки. Л.: Наука, 1967. Вып. XXIV; и др.

³ Палагута И. В. Об отражении социального контекста в раннеземледельческой пластике // Памятники археологии и художественное творчество: материалы VI Всерос. осеннего коллоквиума / ООМНИИ им. М. А. Врубеля, Омский филиал ИАЭ СО РАН,

исследований материалов бронзового и раннего железного веков (в частности, показательным является практически мгновенное — в течение 2–3 поколений — распространение в пределах степей Евразии скифо-сибирского «звериного стиля»).

Аналогичное формирование новых представлений буквально на глазах у этнологов иллюстрирует и появление «карго-культов» у населения Океании после Второй мировой войны⁴, и процесс сложения новых представлений в среде населения Новой Гвинеи⁵. Изобретение многих, казалось бы, «вековых» европейских традиций на протяжении последних двух столетий хорошо проиллюстрировано в работах английского историка Э. Хобсбаума⁶.

Использование постулата о неизменности традиционной культуры, который позволяет обосновывать наличие «вековых» традиций, свойственных какому-либо народу, этнических стереотипов и устройства общества, происходит отнюдь не с целью исследований конкретных культур прошлого. Так, еще несколько десятилетий построения академика Б. А. Рыбакова, возводившего мотивы русских сказок чуть ли не к палеолиту, а основы славянского язычества — к раннеземледельческой трипольской культуре⁷, казались столь незыблемыми, как и та политическая система, в рамках которой она поддерживалась. В реальности выстроенные цепочки доказательств основаны на внешних и случайных аналогиях и не выдерживают серьезной критики. В частности, тема «охоты на мамонта», которую усматривает Б. А. Рыбаков в русских народных сказках, скорее всего, появилась в них благодаря многочисленным лубкам, изображавшим тех слонов, что в XVII–XVIII веках неоднократно присылались российскому двору в подарок от персидских шахов.

К стереотипам, основанным на представлении о незыблемости основ традиционной культуры, относятся и популярные ныне расхожие представления об изначальной «соборности» русского народа, о неприятии иных политических моделей, кроме основанных на авторитарной власти. При этом забывается, что само сложение основ великорусской культуры произошло в XV–XVII веках в рамках тех процессов становления культур национальных государств, которые происходили в пределах всего европейского региона, с особенностями в виде «второго издания крепостничества» в Речи Посполитой, Пруссии, Венгрии, России и ряде других стран Центральной и Восточной Европы. Таким же образом и споры о событиях еще более ранней истории, IX–X веков, — «призвании варягов» — приобретают ожесточенный характер лишь постольку, поскольку становятся основой для очередного политического мифа. Отрицание роли

ОМГПУ. Омск: Наука, 2011. С. 60–63; более развернутые публикации сданы в печать.

⁴ Элиаде М. Аспекты мифа. М.: ИНВЕСТ-ППП, 1995. С. 12–13, 76 и сл.

⁵ Об эволюции представлений бороро см.: Годелье М. Загадка дара. М.: Восточная литература, 2007.

⁶ The Invention of Traditions / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

⁷ См.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.

скандинавов, деятельное присутствие которых доказано находками значительного количества археологических комплексов, играет роль лишь в политическом, но не научном дискурсе.

Духовная культура, как система ценностей и форм поведения, не может оставаться застывшей и неизменной: опираясь на прошлое, культура живет настоящим. Смысл культуры — в создании для ее носителей условий материального и духовного комфорта, выработки таких норм сосуществования, в которых возможна твор-

ческая свобода, необходимая для ее саморазвития. Глубину исторической памяти может поддерживать лишь письменная традиция, возникновение которой возможно только лишь с формированием устойчивых государственных образований¹. В пределах же дописьменной или формирующейся с образованием государства «народной» культуры, отличной от «письменной» культуры элиты, установки, нормы и традиции, вопреки сложившимся стереотипам о ее устойчивости и «традиционности», могут быть достаточно изменчивыми.

¹ Кожин П. М. Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М. : Форум, 2011. С. 36–48.